

Елена Петрухина

СБЛИЖЕНИЕ И ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КЛАССОВ ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Вступительные замечания

Разряды глаголов совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) с функциональной и семантической точки зрения не представляют собой закрытых классов, отделенных друг от друга резкой границей, – они взаимодействуют и пересекаются. В аспектологической литературе детально описаны случаи синонимического употребления глаголов СВ и НСВ, так называемая конкуренция видов, или, в другой терминологии, факультативная нейтрализация видового противопоставления. Проявлением не только функционального, но и формального пересечения СВ и НСВ являются двувидовые глаголы, которым также посвящена обширная специальная литература. В данной статье рассматриваются нетипичная семантика и сочетаемость глаголов СВ и НСВ, а также, в связи с этим, критерии определения вида глагола и возможные решения последнего вопроса, представленные не только в аспектологических исследованиях, но и в лексикографической практике.

Как известно, глаголы СВ и НСВ различаются набором семантических, сочетаемостных и функциональных признаков, которые в различных лексических группах глаголов проявляются либо в полном объеме (прототипические глаголы СВ или НСВ), либо частично. При этом все глаголы СВ в русском, а также в других славянских языках (кроме серболужицкого) объединяет жесткая несочетаемость с фазовыми глаголами, а также невозможность выразить актуальный процесс¹. Эти запреты противопоставляют глаголы СВ глаголам НСВ, которым такие

¹ Такая сочетаемость наблюдается в серболужицком языке, испытывавшем на протяжении всей своей истории сильное влияние немецкого языка. Сочетание фазового глагола с СВ отмечается даже в грамматических описаниях верхнелужицкого языка, но как некорректное. Ср.: *W létach*

функциональные ограничения не свойственны, выступая надежным критерием определения вида глагола. Ниже будет показано, что иногда в славистике при определении вида глагола руководствуются другими принципами, в некоторых же случаях данные функциональные критерии для определения вида глагола нерелевантны.

2. Сочетаемость глаголов СВ с показателями длительности действия

По отношению к аспектуально значимым обстоятельственным лексическим элементам, в частности показателям незамкнутой (нетерминативной) длительности действия типа *долго, два часа*, глаголы СВ ведут себя неодинаково. Если нет подчеркнутого отрицания действия, с ними не могут сочетаться терминативные (иначе предельные) и мгновенные глаголы СВ (ср. *построить, рассказать, прочитать, увидеть, найти*). С учетом этого такие глаголы имеют наиболее полный перечень отличий от глаголов НСВ и могут считаться прототипическими глаголами СВ.

Сочетаемость с названными обстоятельствами, как известно, проявляют некоторые словообразовательно оформленные глаголы СВ: прежде всего глаголы ограничительных способов действия с приставками *по-, про-, от-* (ср. *сидеть / посидеть полчаса; просидеть долго [в приемной]*), обзор литературы по данным дериватам см. в (Петрухина 2000). Такую же нетипичную для глаголов СВ сочетаемость имеют и некоторые другие дериваты: с префиксом *вы-* (*высидеть, выстоять два часа*), со смягчительным суффиксом *-нуть* (*соснуть, вздремнуть минут двадцать, отдохнуть несколько дней*). Индивидуальная сочетаемость с наречием *долго* характеризует глаголы *засидеться, застояться* (ср.: *Долго я у вас здесь засиделась*), хотя другие глаголы, образованные по этой модели (*засмотреться, зачитаться, заработать*), вместе с ним не употребляются, что объясняется различиями в лексической семантике данных производных глаголов, ср. *засидеться, застояться* – ‘долго, дольше, чем следует, **просидеть, простоять** где-либо’; *засмотреться, зачитаться* – ‘глядя или читая что-либо, **увлечься**’.

М.В.Всеволодова называет еще группу глаголов СВ, которые, по ее мнению, содержат сему длительности в своем лексическом значении и у которых по-

1896–99 je započal spisać a wudać traktaty w słowjanskej rěči – В 1896–99 годах он начал писать (букв. начал написать) и издавать (букв. начал издать) трактаты на славянском языке (Faßke 1981: 180–181) Подобные примеры можно найти в художественной литературе XIX в., современной публицистике и разговорной речи (ср. *Wězo su hižo w tutym léće něštožkuli polěpšić započeli* – ...букв. *исправиться начали*). Кроме того, глаголы СВ в верхнелужицком языке часто употребляются в контекстах, в которых совмещается план прошедшего и настоящего для обозначения действий, одновременных с моментом речи, причем такое употребление в грамматиках расценивается как нормативное. Речь идет о случаях типа *To je rjenje, zo was tu zetkam* – *Хорошо, что я вас здесь встречаю* (букв. *встречу*); *Zwotkel da přindžeš?* – *Откуда ты идешь* (букв. *придешь*)? (Faßke 1981: 255–256).

этому сочетаемость с винительным темпоральным (*два года, целую неделю*) не зависит от вида, то есть характерна как для глаголов НСВ, так и СВ: *длиться, продолжаться, ждать, сохранять(ся), оставаться, тянуться, задерживать(ся), медлить* (1997: 23-24). Заметим, что многие из перечисленных глаголов в форме СВ содержат ограничительные приставки *по-, про-*: *продлиться, продолжиться, помедлить, подождать*, которые также влияют на их сочетаемость. У глаголов *сохранить, остаться, задержаться* возможность подобной сочетаемости, действительно, определяется исключительно их лексическим значением, выражающим отсутствие смены ситуаций, но эта сочетаемость не является столь же свободной, как у рассмотренных выше дериватов, например, *Я останусь здесь неделю; Задержись здесь еще пару дней; ?Они задержались в Москве неделю; ?Они задержались в школе два часа* (лучше: *Они задержались в Москве на неделю / в школе на два часа*); **Она сохранила (сохранит) это месяц* и т.д..

В западнославянских языках такие глаголы не имеют каких-либо ограничений на употребление совместно с показателями длительности, ср.: чеш. *Zůstala jsem tam dlouho; Zdržel jsem se dvě hodiny* – *Я оставалась* (букв. *осталась*) *там долго; Я задержался на два часа* (букв. *два часа*). Так что утверждение, что «лексические семы «сильнее» грамматических» (Всеволодова 1997: 35) в данном случае в большей степени справедливо для западнославянских языков, чем для русского, где употребление видов более нормировано, а сама категория вида проявляет большую грамматичность (Петрухина 1998). Об этом свидетельствуют и закономерности сочетаемости глаголов СВ в предложениях с отрицанием. Так, контекст с отрицанием в западнославянских языках, указывая на отсутствие действия, а значит, на неактуальность выделения его предельных моментов, снимает семантические ограничения на сочетаемость СВ с обстоятельственными показателями незамкнутой длительности типа чеш. *dlouho, celý týden*, причем в нейтральных по стилю предложениях. Ср. *Promiň, že jsem ti tak dlouho nenapsala, neodpověděla* – *Извини, что я тебе так долго не писала* (букв. *не написала*), *не отвечала* (букв. *не ответила*). Такая же сочетаемость зафиксирована в словацком и польском языках (Широкова 1971; Śmiech 1971: 38; Ананьева 1993: 71), ср.: пол. *Długo nic nie napisał, nie krzyknął, nie przyszedł* – *Он долго не писал* (букв. *не написал*), *не кричал* (букв. *не крикнул*), *не приходил* (букв. *не пришел*). И даже в болгарском языке (по употреблению видов болгарский язык, несмотря на различия в организации временных систем, ближе всего к русскому) Ю.С.Маслов приводит многочисленные примеры употребления таких обстоятельств с глаголами СВ при наличии в предложении отрицания (Маслов 1959: 222–230). В русском языке подобная сочетаемость возможна лишь при усилении отрицания, которое позволяет

представить всю ситуацию на примере неосуществления одного действия², например: *Он целый год строчки не написал; Целый месяц он мне ни разу не позволил.*

Несмотря на нетипичную для СВ сочетаемость и употребление ограничительных глаголов, в российской лингвистике не возникало сомнений в их видовой принадлежности. Тогда как особенности семантики, сочетаемости и употребления некоторых польских и чешских производных глаголов, традиционно причисляемых к классу глаголов СВ, обусловили определение их вида как несовершенного, причем не только в исследовательских публикациях, но и в словарях. И дело здесь, как представляется, не только в различных лингвистических традициях, но и в семантических различиях между однотипными дериватами в русском и западнославянских языках.

3. Дискуссионные вопросы определения вида глаголов

3.1 Делимитативы в аспектуальной системе польского глагола

Еще С.Агрель (1918) отметил особое положение делимитативов в системе способов действия польского глагола, вообще исключив их из состава перфективных глаголов и определив их вид как несовершенный. По его мнению, делимитативы, в отличие от пердуративов (с приставкой *pro-*), не фиксируют начальную и конечную границы действия, указывая лишь на их краткую или неопределенную длительность. К этому мнению присоединились многие современные исследователи польского глагола, которые не усматривают семантической разницы между делимитативами и соответствующими глаголами НСВ, употребленными в контексте, содержащем лексические показатели ограниченности действия. Ср. *posiedzieć do piątej, pospał do ósmej, pośpiewali do północy* (*посидеть до пяти, поспал до восьми, они попели до полуночи*) // *siedzieć do piątej, spał do ósmej, śpiewali do północy* (*сидеть до пяти, спал до восьми, они пели до полуночи*). В этом вопросе в польской лингвистике наблюдается удивительное единодушие. По мнению В.Смеха, в подобных примерах префиксация глаголов отвечает лишь потребностям синтаксиса (при их включении в предложение и текст) (1986: 250). Ф.Антинуччи и Л.Геберт (1977) также считают, что с семантической точки зрения глаголы с префиксом *po-* не имеют ничего общего с совершенным видом. Многие другие исследователи также отмечают особенности аспектуальной семантики делимитативов, при этом, однако, не затрагивая вопроса об их видовой принадлежности. По мнению Ц.Перникарского, делимитативные глаголы с приставкой *po-* в польском языке выражают неопределенную меру действия, начальные и конеч-

² Ср. термин Ю.С.Маслова и А.В.Бондарко 'наглядно-примерное значение СВ' (Бондарко 1971: 22).

ные границы которой выражаются не так явно, как у других детерминативных глаголов: с приставками *prze-* (ср. *posiedzieć / przesiedzieć*), *za-* (ср. *poszumieć / zaszumieć*), с суффиксом *-ną-* (ср. *pokrzyzczyć / krzyknąć*) и др. (1969: 119). А.Холвут вообще считает, что в значении делимитативов присутствует явно выраженный элемент 'начать' ('*zacząć*'), поэтому он предлагает рассматривать такие глаголы в рамках ингрессивной (начинательной) аспектуальности. А.Холвут противопоставляет глаголы типа *posiedzieć* пердуративам (*przesiedzieć*) как ингрессивные эгрессивным, выражающим конечную временную границу действия (1989: 55). Рассмотрим подробнее, на чем основаны подобные рассуждения.

Во всех славянских языках дериваты с приставкой *po-* (*po-*) выражают однородное действие, ограниченное временными рамками, но не доведенное до конца, до результата (причем продолжительность действия часто оценивается как незначительная). Отсюда вытекает невозможность предложений типа **Я почитал книгу до конца*; **Попил молоко до дна*; **Poczytał książkę do końca*; **Popił mleko (mleka) do dna*; ?*Сколько ты уже почитал?* **Ile już przeczytałeś, popiłeś?* (Śmiech 1986: 24). Но тем не менее в русских делимитативах более четко, чем в польских, выражена идея конца действия, соответствующая категориальной семантике СВ.

В русском языке данные глаголы, как правило, не могут быть употреблены в контексте, содержащем указание на продолжение выражаемого ими действия. Ср.: **Мы посидели в приемной час и в пять часов еще продолжали здесь сидеть*; ?*Мы поработали два часа и продолжаем работать*. Данные предложения воспринимаются как аномальные либо маловероятные, тогда как в польском языке аналогичные предложения, по мнению всех опрошенных информантов, не являются невозможными или странными. Ср.: *Posiedzieliśmy dwie godziny i o piątej jeszcze tutaj siedzieliśmy*; *Popracowaliśmy dwie godziny i pracujemy dalej*. Ср. также: ?*Я почитал час и продолжаю читать* – *Poczytałem godzinę i czytam dalej*; ?*Я почитал эту книгу часок и продолжал ее читать* – *Poczytałem tę książkę godzinę i czytałem dalej*. Чешский и словацкий языки в семантике и сочетаемости делимитативов проявляют значительное сходство с польским, подробнее см. (Петрухина 2000: 185-187).

Приведенные предложения свидетельствуют о том, что расхождения в фазисно-временной семантике русских и польских делимитативов определяются различным представлением конечной границы действия: в русском языке конечный предел сигнализирует, как правило, прекращение действия, в польском же он указывает лишь на границу интервала, заполненного действием. Делимитативы в русском языке выражают не только ограниченное временными пределами однородное действие, но и действие, завершенное при данных обстоятельствах, тогда как в западнославянских языках глаголы с приставкой *po-* выражают действие,

заполняющее данный временной отрезок и им ограниченное, но способное продолжаться и за его пределами (причем если указаний на продолжение нет, то оно воспринимается как законченное). Выражение временных границ действия определяет особое внимание к делимитативам в польских аспектологических исследованиях, при этом в словарях польского языка вид данных глаголов трактуется традиционно – как совершенный.

Отмеченные семантические различия между русскими и польскими делимитативами объясняют также другие расхождения в употреблении данных дериватов. В русском языке наблюдается активное использование ограничительной приставки *по-*, которая по своим функциям сближается с результативными приставками, делимитативы же, образованные от глаголов целенаправленной деятельности, сближаются с парными глаголами СВ. На первый план значения таких глаголов выступает не представление об ограниченной длительности, а семантический элемент окончания действия, которое может оцениваться с точки зрения его результата. Данный факт учитывается в учебной лексикографии (Толмачева, Кокорина 1988). Вообще же видовая парность глаголов деятельности с приставкой *по-*, по нашему мнению, должна отмечаться в словарях русского языка более последовательно.

В чешском, словацком и польском языках делимитативы, не обладая ярко выраженной семантикой окончания действия, в таких предложениях, где акцентируется результат деятельности, употребляются значительно реже, чем в русском, ср.: *Сегодня мы хорошо поработали, надо и отдохнуть* – чеш. *Za dnešek jsme toho dost udělali* // *Dnes nám práce šla od ruky*; словац. *Dnes sme toho dost urobili* // *Dnes sme si dobre popracovali* (разг.); пол. *Napracowaliśmy się, trzeba odpocząć* // *Już popracowaliśmy*; *Мы уже погуляли, идем домой* – пол. *Nachodziliśmy się, już idziemy do domu*; *Мы хорошо погуляли* – пол. *Dobrze nam się spacerowało*.

3.2. Определение вида чешских глаголов типа *nasmát se*

Особенности выражения отношения действия к его конечному пределу могут даже повлиять на определение вида глаголов в словаре. Оказывается, в славистике в данном традиционном вопросе остались еще дискуссионные моменты.

Во всех славянских языках есть глагольные дериваты типа *набегаться, находиться, насидеться*. В русском языке это типичный глагол СВ, во других языках, кроме чешского, он тоже определяется как СВ. А вот в чешском языке все глаголы этого типа в целом ряде толковых словарей, например (SSJČ, SSČ) последовательно определяются как СВ и НСВ, то есть как двувидовые, ср.: *nasmát se* (dok. i nedok.). Лишь у некоторых глаголов это связано с разграничением в словаре двух значений, напр. *najíst se*: 1) doc. (k nasycení – ‘до насыщения’): *Dobře*

se najedl – Он наелся / Он хорошо поел; 2) *nedoc. ‘mnoho a často jíst’* – ‘много и часто есть’: *Toho jsem se v dětství něco najedl!* – Ну и поел же я этого в детстве!

В других дериватах, образованных по данной продуктивной модели, эти значения не противопоставлены так четко, но именно с разграничением данных значений связывается определение вида то как СВ, то как НСВ. Приведем примеры, иллюстрирующие два выделенных типа употребления дериватов *na- se*, почерпнутые нами из чешского национального компьютерного корпуса текстов (ČNK).

Первый тип употребления (СВ): *V kanceláři jsem se naseděl dost, tak proto raději chodím pěšky* – Я **наседелся** в канцелярии, поэтому люблю ходить пешком. *Otec se smál, a když se dost nasmál, začal zase vážně...* – Отец смеялся, а когда **насмеялся**, серьезно сказал...; *Pěšky se nachodíme ještě dost a dost* – Пешком мы еще **находимся**.

В этих предложениях русские дериваты выражают смысл ‘достижение определенного состояния удовлетворения или пресыщения’, в чешских же эквивалентных предложениях, чтобы выразить этот смысл, надо употребить дополнительную лексему (*dost* – *достаточно*), так как сами дериваты *na- se* такой семантики не выражают. Поэтому подобные производные глаголы в русском языке могут быть употреблены при обозначении цепочки сменяющих друг друга действий в повествовательных претеритальных текстах, а в чешском нет, ср.: *Они пошли на речку, **накупались, назагорались** и вернулись домой.* В эквивалентных чешских предложениях вероятнее всего употребление глаголов НСВ *koupali se, opalovali se*.

Более частотны в чешском языке, особенно в разговорной речи, данные дериваты во втором значении ‘много и часто что-то делать’. Такое употребление стилистически не нейтрально, при этом оценка действия, вернее его количества, может быть как положительной, так и отрицательной. Именно с таким типом употребления связано определение вида соответствующих глаголов в SСJČ как НСВ, хотя какие-либо из рассмотренных выше признаков НСВ у них отсутствуют. Они не сочетаются с фазовыми глаголами, с показателями длительности типа *долго, год*, не имеют актуально-процессного значения, не образуют форму аналитического будущего. Ср.: *Co jsme se jen do těch domů **nachodili!*** – Сколько же мы **походили** по этим домам! *Vždyť se tolik **načekal**, než se tu narodila* – Он же столько **ждал**, прежде чем я у него родилась. *U doktora se člověk vždycky **děsně načeká.*** – У врача всегда приходится **страшно долго ждать**. *V životě jsem se během jediného dne tolik **nenačekal** jako dnes.* – В жизни я никогда в течение одного дня не **ждал** столько, сколько сегодня. *Pozdravujte Marii, která se pro nás hodně*

napracovala . – *Передайте привет Марии, которая для нас очень много работала.*

В приведенных предложениях глаголы типа *načekat se, namluvit se* выступают как синонимичные сочетаниям *dlouho čekat, hodně mluvit*, отличаясь от нейтральных словосочетаний лишь выражением экспрессивного отношения говорящего к действию.

Таким образом, трактовка производных глаголов *na- se* в чешской лексикографической традиции как двувидовых глаголов определяется особенностями их семантики и связана с двумя типами употребления данных глаголов, различия между которыми определяются выражением / невыражением предельного момента в состоянии производителя деятельности.

3.3. Вид чешских глаголов движения с приставкой *po-*

В чешском языке имеются формы будущего времени *pobežím, pojedu, ponesu, poletím*, существующие без инфинитивов, отсутствуют также соответствующие формы прошедшего времени (**poběžet, *poběžel, *pojet, *pojel*). По мнению большинства лингвистов (Кореčný 1962: 46-50; Havránek, Jedlička 1960: 245; Mluvnice 1995: 317), это особые формы будущего простого, образованные от глаголов НСВ *běžet, jet, nést, letět* (*бежать, ехать, нести, лететь*). Так как нет инфинитива, то проверить их вид обычным способом, то есть на сочетаемость с фазовыми глаголами, невозможно. Основным критерий определения вида – это функциональный: данные формы имеют лишь значение будущего времени и не могут выражать настоящее неактуальное (в том числе и узуальное), не употребляются в значении настоящего исторического, что сближает их с формами будущего времени НСВ, ср. *polezu – budu lézt* (*полезу – буду лезть*); *poteče – bude téci* (*потечет – будет течь*). Отличаясь от последних по форме, глагольные формы с *po-* выступают, по мнению Ф.Копечного, как их полные синонимы, что подтверждает характеристику их вида как несовершенного., ср.: *Kufr ponese / budu nést já. Jak dlouho to ponese / bude nést? – Чемодан понесу / буду нести я; Как долго он это будет нести (ср. ?понесет)?* Таких форм НСВ в чешском языке исследователь насчитал более 115 (1962: 46-50). Подсистема глаголов движения словацкого языка очень близка чешской (Исаченко 1960: 320).

Интересно отметить аналогию, которую проводит между чешскими и польскими глаголами Ц.Перникарски, посвятивший сопоставлению глаголов с приставкой *po-* в чешском и польском языках специальное монографическое исследование. Традиционно определив вид чешских синтетических футуральных форм как несовершенный, автор приводит две аналогичные польские формы (*pójdę, pojedę*), которые, по его мнению, в качестве форм НСВ могут быть упот-

реблены только во вполне определенных конструкциях типа *Kiedy pójde (=będę iść) do kina, wstąpie do księgarni* – *Когда я пойду в кино, зайду в книжный магазин* (1975: 44). На самом деле, таких глаголов в польском языке значительно больше – в подобных польских предложениях, так же как и в русских, могут быть употреблены многие однонаправленные глаголы с приставкой *po-* (*po-*), ср. примеры В.Смеха (1986: 23): *Gdy popłynie, odprocznie* – *Когда он поплывет* (ср. *будет плыть*), *то otдохнет*; *Gdy pojedziemy do Warszawy, to o tym porozmawiamy* – *Когда мы поедem в Варшаву* (ср. *будем ехать*), *то поговорим об этом*. Данные польские предложения и их переводные русские эквиваленты демонстрируют сходство в употреблении и семантике рассматриваемых глаголов. При этом русские глаголы СВ с приставкой *po-* имеют явно выраженное начинательное, ингрессивное значение, которое отмечается, но в несколько ослабленном виде и у польских глаголов, ср. (Gramatyka 1984: 480). Начинательная семантика у чешских форм с приставкой *po-* не отмечена ни в одной из упомянутых выше чешских работ. Думается, определенное значение здесь имеет и тот факт, что только начальная граница действия (вне ее связи с конечной, а также вне связи с интенсивностью действия) словообразовательными средствами в чешском языке практически не выражается, подробнее см. (Петрухина 2000: 202-209). В качестве примеров, свидетельствующих об отсутствии временных границ в восприятии обозначаемого действия, Ф. Копечны приводит такие, как *Ty to poneseš stále* – *Ты это будешь нести* (букв. *понесешь*) *все время* (1962: 48); ср. также: *Jak dlouho to ponesu?* – *Как долго я это буду нести* (букв. *понесу*); *Půjdete pořád přímo* – *Идите* (букв. *пойдете*) *все время прямо*. Сопоставление аналогичных форм в чешском, польском и русском языках позволяет выявить специфику семантики чешских форм с приставкой *po-*, но все же не снимает все вопросы относительно их вида.

Как представляется, исходные глаголы однонаправленного движения типа *jít* полностью соответствуют сущности двувидовых глаголов. Они используются и в функции НСВ (*Začal jít rychleji* – *Он пошел /ср. начал идти/ быстрее*; *Šel dlouho sám* – *Он долго шел один*), и в функции СВ (*Kde je Jiří?* – *Šel domů* – *Где Иржи? – Пошел домой*). Синтетические формы будущего времени, а также формы императива *pojd', pojed', polez ven, poběžte, ponese*, образованные от соответствующих бесприставочных двувидовых глаголов типа *jet, jít, lézt*, не способствуют устранению двувидовости, так как сами находятся на границе между НСВ и СВ.

4. «Семантические перфективы» НСВ

С. Иванчев назвал «семантическими перфективами» такие производные глаголы НСВ, которые по семантическим и сочетаемым свойствам ближе к СВ, чем НСВ, – не имеют процессного и актуально-длительного значения, не со-

четаются с показателями нетерминативной длительности, с фазовыми глаголами (1971:48; 1973).

Как известно, данные функциональные свойства глаголов НСВ (в полном объеме или частично) могут определяться их лексической семантикой, отражающей характер обозначаемого действия. Еще в 1948г. Ю.С.Маслов (1948) показал, что такая неполнота функций глаголов НСВ связана с выражением действий, совершаемых в один прием и неразложимых на составные части (например, *разбиваться*), а также с выражением «скачкообразного», «точечного перехода к новому качеству» (ср. *находить*). Ю.Д.Апресян расширил класс «моментальных» глаголов, выделив в нем десять групп (1995: 219-237). Моментальные глаголы выражают скачкообразный «переход к результирующему положению вещей», мгновенное возникновение результата, который не накапливается постепенно. Хотя в семантике глагола может отражаться подготовительная фаза действия, она не равна самому действию, поэтому, являясь, слабым элементом значения, при толковании представлена не в ассерции, а в экспозиции, например, подготовительной фазой действия *найти* является *искать, износить – носить*. Особый интерес представляют моментальные глаголы НСВ (ср. *находить, изнашивать*), именно их значения рассматриваются в связи с семантическим анализом глаголов моментального действия (1995: 233-237).

Мы уже отмечали (Петрухина 1990), что в русском языке имеется еще одна относительно небольшая группа глаголов НСВ, которые отвечают основным функциональным критериям выделения моментальных глаголов. При этом сам характер обозначаемых действий в реальности не создает предпосылок для языковых проявлений моментальности. Имеются в виду прежде всего вторичные имперфективы, входящие в видовые тройки³, типа *съесть, прочитывать, вырастать*, а также глаголы прибытия (*приходить, приезжать, добежать*), которые, с учетом синтагматической мотивации (ср. *идти куда-либо - прийти - приходиться*), также могут быть рассмотрены в рамках видовых троек. В значении данных глаголов, так же как и некоторых других вторичных имперфективов типа *изнашивать, пересаливать, недожаривать*, выражен предельный момент действия, а именно достижение результата, что мешает представлению обозначенного ими действия как процесса.

От канонических моментальных глаголов вторичные имперфективы типа *съесть, прочитывать* отличаются возможной сочетаемостью (при обозначении повторяющихся ситуаций и в настоящем историческом) с инклюзивными обстоятельствами времени типа *за несколько минут, за год*, способностью развивать потенциальное значение (ср. *За минуту она прочитывает три - четыре страницы и*

³ Обзор литературы по видовым тройкам см. в (Ясаи 2001).

под.), несклонностью к общефактическому значению. Кроме того, соотносительные глаголы СВ (*съесть, прочитать*) являются каноническими предельными (терминативными) глаголами, «исполнениями» по З.Вендлеру (1967), отражающими в своей семантике постепенное накопление результата. Поэтому непроцессуальность русских вторичных имперфективов типа *съеда́ть* нельзя объяснить чисто семантически, лишь спецификой протекания обозначаемого действия.

Представляется, что непроцессуальность этих глаголов определяется общими закономерностями употребления видов, образования вторичных имперфективов и особенностями категориального значения НСВ в русском и болгарском языках. Иными словами, специфическая (непроцессуальная и результативная) интерпретация обозначаемого действия, отраженная в семантике рассматриваемых дериватов, задается аспектуальными системами данных языков. Соответственно, группа непроцессуальных вторичных имперфективов не является славянской универсалией. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Особенно много таких глаголов в болгарском языке, для которого характерна регулярность вторичной имперфективации независимо от значения приставки, ср. *направля́м, написыва́м, заседа́ю, заплаква́м* (вторичные имперфективы от глаголов *сделати́, написа́ти, поседети́, заплака́ти*). Класс данных глаголов проявляет рассмотренные выше признаки «семантических перфективов». Так, по-болгарски нельзя сказать **започва да поживява, заседава се, изпопретписва, завалява, заиграва, зашумява*, а также **По цял ден поживяваше, се заседаваше, се нележаваше...* (Иванчев 1971: 49; Куева-Шверчек, Лашкова 1978). Являясь очень близкими по семантике, данные глаголы НСВ и их мотивирующие глаголы СВ тем не менее функционально практически никогда не пересекаются: вторичные имперфективы выступают именно в тех типах контекста, где СВ невозможен. Образование и семантика вторичных имперфективов взаимосвязаны со степенью употребительности СВ и НСВ.

В чешском и словацком языках, как известно, большой функциональной активностью характеризуется СВ, широко употребляющийся, наряду с НСВ, в тех типах контекста, где в русском и болгарском господствует НСВ, – в настоящем историческом, при обозначении кратных действий, в конструкциях с отрицанием. Поэтому в чешском языке нет необходимости в регулярном образовании вторичных имперфективов. Кроме того, в чешском языке в названных типах контекста на фоне возможного СВ глаголы НСВ во многих случаях выражают длительно-процессуальное восприятие действия⁴, тогда как в русском и болгарском языках

⁴ Актуализация процессуального восприятия действия при употреблении глаголов НСВ в условиях факультативной нейтрализации видового противопоставления была выявлена при обследовании большого языкового материала методом анкетирования и опроса носителей чешского языка (Петрухина 2000: 64-73).

НСВ, в силу большей обязательности его употребления в данных типах контекста, выступает как нейтральный член видовой оппозиции (Петрухина 1998).

Соответственно вторичные имперфективы с результативными приставками в чешском, а также словацком языке либо вообще не образуются (*есть / съестъ / съедать* – чеш. *jíst / sníst / Ø*; *лечить / вылечить / вылечивать* – чеш. *léčit / vyléčit / Ø*), а если изредка образуются, то свободно развивают конкретно-процессное значение, ср. чеш. *stlát – ustlat – ustýlat: Ustýlá / stele si na podlaze* (Она стелет себе на полу); *cítit – pocítit – pocít'ovat: Zimu jsem nepocít'oval / necítit* (Холод я не чувствовал). Глаголы прибытия также обладают полной парадигмой значений НСВ, свободно выражая актуально-процессное значение, например: чеш. *Přichází aby se rozloučil*; слов. *Prichádza sa rozlúčiť' – Он пришел* (букв.: *приходит*) *проститься*; чеш. *Vlak právě přijížděl do stanice*; слов. *Vlak práve prichádzal do stanice – Поезд как раз подъезжал к станции* (букв.: *приезжал на станцию*).

Широкое распространение «семантических перфективов» НСВ в болгарском языке – это своего рода «плата» за высокую степень грамматикализации категории вида и регулярности видообразования, когда вторичный глагол НСВ образуется независимо от лексического и словообразовательного значения исходного глагола СВ. В чешском языке и в этой области «лексика сильнее грамматики»: образование имперфектива в большой степени зависит от лексического значения приставки, в частности, от глаголов СВ с чисто результативными или временными приставками дальнейшая аспектуальная деривация, как правило, невозможна. Русский язык в этой области занимает промежуточное положение между болгарским и чешским языками: имперфективация не столь регулярна, как в болгарском, но возможна и при названных значениях приставок, при этом образуются «семантические перфективы» НСВ. Признаком НСВ данных глаголов (помимо их формы, включающей суффикс имперфективации) выступает лишь способность выражать повторяющееся действие при отсутствии контекстуальных показателей кратности (ср. *За обедом он съедал лишь немного сухофруктов*), а также употребляться в настоящем историческом.

5. Выводы

Таким образом, даже в таком, на первый взгляд, простом и традиционном вопросе, как определение вида глагола, в славистике еще не все решено. После сопоставления принципов и критериев определения вида глаголов, а также нетипичного употребления и сочетаемости видов в разных языках становится понятно, почему именно в чешском языке возникают трудности при определении вида некоторых глагольных форм. В сравнении с русским, болгарским и даже польским

языком чешский характеризуется наибольшим функциональным сближением СВ и НСВ при меньшей степени грамматичности категории вида целом. Последнее свойство чешской видовой системы, в частности, проявляется в большей зависимости видообразования от лексического значения глагола и входящих в него приставок, в большем влиянии лексической семантики на аспектуальную сочетаемость глагола. Грамматикализация в чешском языке не зашла так далеко, чтобы регулярно образовывались «семантические перфективы» НСВ. В русском языке, как представляется, нет проблем с определением вида глагола, так как возможный «разброс» значений глаголов одного вида в меньшей степени влияет на их категориальные функциональные свойства (отметим, что наибольшее значение здесь имеет словообразовательная структура глагола). Но тем не менее для всех рассмотренных славянских языков характерно сближение и пересечение классов глаголов СВ и НСВ.

Литература

- Ананьева Н.Е. 1993. Функционирование форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в польском языке (в сопоставлении с русским) // Исследования по глаголу в славянских языках. Типология и сопоставление. Варшава.
- Апресян Ю.Д. 1995. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва.
- Бондарко А.В. 1971. Вид и время русского глагола. Москва.
- Всеволодова М.В. 1997. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова. (Закон семантического согласования, валентность и глагольный вид) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Т.1. Москва.
- Иванчев Св. 1971. Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София.
- Иванчев Св. 1973. За някои основни сходства и разлики между славянските езици в областта на глаголният вид // Славянска филология. София.
- Исаченко А.В. 1960. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. II. Братислава.
- Маслов Ю.С. 1948. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Отдел. лит. и яз. Т.7. Вып.4.

- Маслов Ю.С. 1959. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. Москва.
- Петрухина Е.В. 1990. К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в современном русском языке // Русский язык за рубежом. № 4.
- Петрухина Е.В. 1998. Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Москва.
- Петрухина Е.В. 2000. Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками). Москва.
- Толмачева В.Д., Кокорина С.И. 1988. Учебный словарь глагольных форм русского языка. Москва.
- Широкова А.Г. 1971. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // Исследования по славянскому языкознанию. Москва.
- Ясаи Л. 2001. О специфике вторичных имперфективов видовых корреляций // Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.В.Бонарко. Санкт-Петербург.
- Agrell S. 1918. Przedrostki postaciowe czasowników polskich. Kraków.
- Antinucci F., Gebert L. 1977. Semantyka aspektu czasownikowego // Studia Grammatyczne I. Wrocław.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia 1984 (pod red. R. Grzegorzczkovej, R. Laskowskiego, H. Wróbla). Warszawa.
- Holvoet A. 1989. Aspekt a modalność w języku polskim na tle ogólnosłowiańskim // Prace slawistyczne. 77. Warszawa.
- Faßke H. 1981. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen.
- Havránek B., Jedlička A. 1960. Česká mluvnice. Praha.
- Kopečný F. 1962. Slovesný vid v češtině. Praha.
- Priruční mluvnice češtiny. 1995. Brno.
- Киева–Шверчек Л., Лашкова Л. 1978. Някои ингресивни глаголни конструкции в български и полски езици // Kategorie werbalne w języku polskim i bułgarskim. Slavia Meridionalis 1. Warszawa.
- Piernikarski C. 1969. Typy opozycji aspektowych czasownika polskiego na tle słowiańskim. Wrocław.
- Piernikarski C. 1975. Czasowniki z prefiksem *po-* w językach polskim i czeskim // Na tle rodzajów akcji w językach słowiańskich. Warszawa.

Śmiech W. 1971. Funkcje aspektów czasownikowych we współczesnym języku ogólnopolskim. Łódź.

Śmiech W. 1986. Derywacja prefiksalna czasowników polskich. Wrocław – Warszawa – Kraków – Łódź.

Vendler Z. 1967. Verbs and times // Linguistics in philosophy, Ithaca (N.-Y.)

Использованные сокращения

SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. D. 1-4. Praha, 1960 - 1971.

SSČ – Slovník spisovné češtiny. Praha. 1978.

ČNK – Český národní korpus.